

В дирижерском классе А.В. Гаука

Александр Васильевич Гаук вошел в историю музыкального искусства не только как великий дирижер, авторитетный руководитель крупнейших симфонических коллективов (симфонического оркестра Ленинградской филармонии, Государственного симфонического оркестра СССР), но и как выдающийся педагог, воспитавший таких признанных мастеров дирижерского искусства, как Е. Мравинский, А. Мелик-Пашаев, Е. Светланов. Его педагогическая деятельность неотделима от становления дирижерского искусства в нашей стране. Гаук, наряду с Н.А. Малько и К.С. Сараджевым, стал одним из создателей советской дирижерской школы. Педагогическое мастерство Гаука — результат громадного опыта и педагогического таланта. Он был разносторонним музыкантом, учеником Ф. Blumenфельда, Я. Витола, А. Глазунова и Н. Черепнина, он сформировался как художник под влиянием замечательных представителей русской исполнительской школы.

«Как-то я узнал, что в консерватории существует оперный класс и в Большом зале силами учащихся проводятся репетиции оперы “Черевички” Чайковского, дирижируют ученики А. Канкарович и М. Штейман, а на всех репетициях присутствует профессор дирижирования Н.Н. Черепнин.

Проход в Большой зал всегда запирался и туда допускались только участники репетиций. Скоро я и мой друг Дранишников узнали, что через помещение органа, находящегося в Малом зале, можно проникнуть в Большой. Воспользовавшись этой возможностью, мы систематически пробирались на репетиции и слушали, скрываясь в глубине затемненного зала.

Вскоре мы были обнаружены Николаем Николаевичем Черепниным, который спросил, что нам тут нужно. Убеденный в нашей “одер-

жимости”, он не только разрешил легально посещать репетиции, но, более того, разрешил посещать по вторникам и пятницам дирижерский класс в качестве “волонтеров”, так как официально это можно было только после класса форм. Моему счастью не было границ: я уже тогда видел себя дирижером!»(1, 299).

Начало дирижерской деятельности А.В. Гаука совпало с рождением новой исторической эпохи, с великими социальными и культурными преобразованиями первых революционных лет, овеянных романтикой и революционным пафосом строительства культуры нового общества.

Начав свою деятельность в музыкальном театре, А.В. Гаук пришел к симфоническому дирижированию и педагогике.

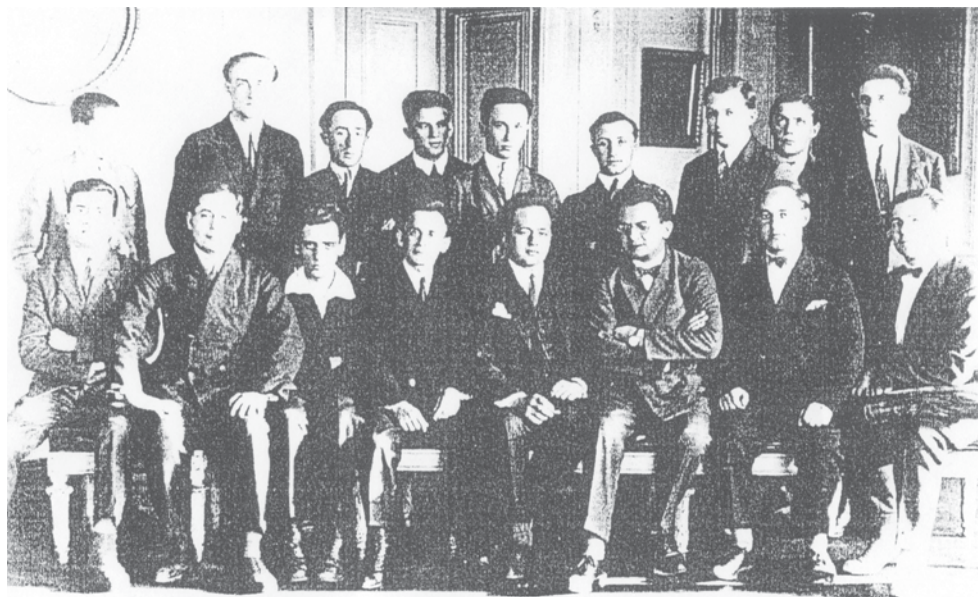
В 1927 году, имея уже десятилетний стаж дирижерской работы, А.В. Гаук начинает преподавать в Ленинградской консерватории. В те годы в его классе занимались Е. Мравинский, Е. Микеладзе, А. Мелик-Пашаев, Н. Рабинович, М. Тавризиан, Э. Грикуров, О. Димитриади, И. Шерман, И. Мусин. «Он привнес в занятия конкретность, профессионализм и систему. Он дал нам прочные исполнительские навыки и настоящую технику дирижерского искусства», — вспоминает Е.А. Мравинский(3, 115).

Существует две фотографии, на которых изображен дирижерский класс А.В. Гаука.

Обе фотографии сделаны в 1930 году.

Е. Мравинский, Э. Грикуров, И. Альтерман, М. Иванов-Сокольский, С. Чарекян, В. Бернблит, Е. Микеладзе, О. Римский-Корсаков, М. Шнейдерман, И. Шерман, А. Фридендер, С. Бруг, Я. Пазовский, Я. Эльяшевич, А. Мелик-Пашаев, Н. Рабинович

Я. Пазовский, С. Брог, И. Шерман, М. Шнейдерман, А. Мелик-Папшаев, В. Беренблит, М. Иванов-Сокольский, Э. Грикуров, Е. Мравинский, С. Чаремян, Е. Микеладзе, И. Альтерман, Я. Эльяшевич, А. Фридлиндер, О. Римский-Корсаков, Н. Рабинович

Одни имена знакомы нам больше, другие меньше, но несмотря на это, все они вместе составили славу русского музыкального исполнительского искусства.

О.А. Димитриади вспоминает: «Конечно очень много нового и интересного узнал я на первых же занятиях с профессором А.В. Гауком. Он превосходно знал мировую симфоническую литературу, помогал нам разбираться в исполнительском плане того или иного произведения, никогда не навязывал личной интерпретации и манеры дирижирования. В классе происходили споры о трактовке какого-либо значительного произведения, и тогда Гаук использовал лучшую возможность: на ближайшем концерте доказывал свою точку зрения, и очень убедительно. К сожалению, весьма продуктивным занятиям с профессором Гауком суждено было скоро прерваться: он переехал в Москву. Одна часть класса перешла к С. Ельцину, а другая — к И. Мусину» (3, 116).

По воспоминаниям Рабиновича Гаук вел курс под обязывающим названием «Развитие дирижерского слуха».

Письмо А. Гаука Н.С. Рабиновичу.

Москва 6 января 1961 года.

Дорогой Коля, недавно, включив радио, я услышал чудесную музыку. Через некоторое время понял, что это 3-я симфония Малера. Прослушав прекрасное исполнение, я услышал, что играл оркестр студентов и что

ты дирижировал. Поздравляю тебя от всей души и благодарю за чудесное исполнение прекрасной музыки. Я очень, очень за тебя обрадовался <...> желаю тебе счастья в Новом году и много успеха и здоровья. А. Гаук (4, 21).

Через два года А.В. Гаука не стало.

Из этого письма видно что теплые отношения между учениками и учителем продолжались на протяжении всей жизни.

Мы можем получить представление о принципах педагогической работы Гаука из существующей литературы (см. 2).

Весь педагогический процесс в классе А.В. Гаука был направлен на воспитание подлинно профессиональных качеств будущего дирижера. Уроки отличались концентрацией педагогического мастерства, насыщенного громадным исполнительским опытом. Они вооружали техникой, знанием симфонической и оперной литературы, развивали внутренний слух и творческую инициативу. К начинающим дирижерам Александр Васильевич предъявлял строгие требования, добиваясь всестороннего развития способностей и максимальной «отдачи».

Основной формой занятий был урок в консерватории и репетиция с учебным оркестром. На уроки приходили все студенты дирижерского класса А.В. Гаука (а иногда и желающие послушать, обуреваемые стремлением стать дирижерами). Формальных занятий «от... и до...» он не признавал и не занимался с учеником, если тот не приготовился к уроку. Длительность его могла быть различной, «тонус» — также, но безразличных, неинтересных занятий никогда не было. К каждой встрече с педагогом студенты готовились как к концерту.

Дирижирование в классе всегда проходило с фортепиано. Он обращался к этому универсальному инструменту, потому что и в классных условиях дирижирование понималось им как живое музицирование. Пользуясь фортепиано, легче осуществлять исполнительский контроль над всеми действиями дирижирующего. Это относится прежде всего к слуховой ориентации дирижера, внутреннему слышанию партитуры. Дирижер должен слышать — вот первое условие его профессиональной работы. Студент учился корректировать исполнение (это касалось и эпизодических поправок и выяснения разночтений музыкального текста). В дальнейшем это требование переносилось и на оркестровые репетиции, на которых развивалось умение самостоятельно работать над произведе-

дением, и при этом реально слышать оркестр, то есть выравнивать строй, балансировать ансамбль, корректировать звучание. Гаук был исключительно требователен к слуховой ориентации дирижирующего, к быстроте его реакции. Если студент не замечал неточностей в исполнении — взгляд педагога не предвещал ничего доброго. Слышалось «Стой, стой!», и происходил придирчивый опрос по партитуре.

Знакомясь с учеником, А.В. Гаук всегда сам проверял его слух за фортепиано. Иногда он намеренно играл фальшивые ноты, тренируя остроту слухового восприятия. В воспитании неослабного слухового самоконтроля Гаук следовал наставлениям своего учителя Ф.М. Blumenфельда: «Слушать себя и контролировать во время игры», — придавая этому указанию особое значение в дирижерской работе.

В работе с учениками Александр Васильевич стремился развить предельную самостоятельность и выявить индивидуальные исполнительские качества. Так, он возражал против слушания пластинок в период работы над произведением. Обычной нормой учебного задания была часть симфонии. Между первым прочтением и окончательным показом проходило несколько уроков. Иногда педагог давал только общие указания, иногда прорабатывал наиболее трудные места (темповые переходы, технически трудные приемы и т. п.). Как образец обычно «ставилась» экспозиция, остальное каждый дорабатывал самостоятельно и показывал приготовленную симфонию как на концерте. Но к дирижированию «как на концерте» упорно готовились.

Значительное внимание уделялось работе над развитием гибкости кисти, тщательной отработке дирижерского рисунка в различных схемах тактирования. Тактирование — это та основа, на которой возможно профессиональное дирижирование оркестром. В учебных условиях А.В. Гаук был исключительно требователен к этой внешней стороне дирижерской техники. Он добивался предельной ясности дирижерского рисунка, внушал, что выразительное значение жеста может быть воспринято оркестром только при условии ясной тактовой схемы, которая наполняется волевым импульсом и выразительным содержанием.

Он добивался соподчинения движений с важнейшими элементами формы, в особенности с выявлением динамических кульминаций. «Как же ты будешь дирижировать Вагнера?» — спрашивал он ученика, который в симфонии Моцарта подавлял звучание крупными жестами. Амплитуда движений должна быть соразмерна не только динамике произведения — она должна соответствовать определенному моменту его формы, оркест-

ровому стилю, особенностям инструментовки. «Уберите лишнее», — советовал Гаук; он учил экономии движений как необходимому условию мастерства.

Вспоминая А.В. Гаука, мы отчетливо различаем в его деятельности сочетание художественной содержательности и высокого профессионального мастерства, объективность художественного мышления, отсутствие ремесленничества и штампа, артистизм и широту художественного и культурного кругозора, истинную любовь к искусству и жадную устремленность к новому, общественную, публицистическую страстность высказываний и неустанную пропаганду классической и современной музыки. Все эти черты, характеризующие облик А.В. Гаука, как исполнителя и общественного деятеля, в той или иной мере передались и его ученикам.

В своей педагогической деятельности он убежденно проводил и развивал основные принципы советского исполнительства. А.В. Гаука по праву можно назвать одним из основоположников советской дирижерской школы, расцвет которой подготовлен его исполнительской и педагогической деятельностью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Мастерство музыканта исполнителя. Вып. 1. М., 1972.
2. Вопросы музыкального исполнительства и педагогики. М., 1976.
3. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Т. 2. Л., 1988.
4. Памяти Н.С. Рабиновича. W. КЗА, 1996.